

0-734025-1

На правах рукописи

ЮХНОВИЧ
Вячеслав Иванович

**РОМАН Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»
В ИСТОРИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тверь 2002

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы Тверского государственного университета.

Научный руководитель – доктор филологических наук
профессор М.В. Строганов

Официальные оппоненты – доктор филологических наук
профессор Г.В. Краснов
– кандидат филологических наук
доцент Е.П. Беренштейн

Ведущая организация – Саратовский государственный
университет

Защита состоится 24 июня 2002 года, в _____ часов на заседании диссертационного совета К.212.263.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Тверском государственном университете (117002, Тверь, проспект Чайковского, 70).

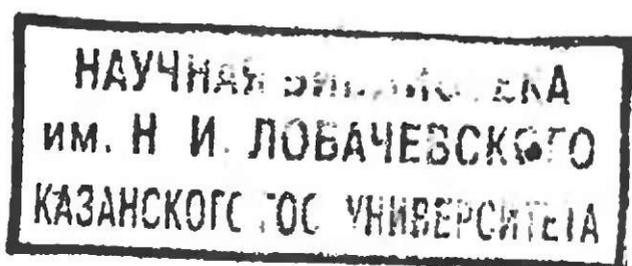
Автореферат разослан

2002 года

Ученый секретарь
специализированного совета
доктор филологических наук,
профессор

С.Ю. Николаева

Истоками мирового значения Л.Н. Толстого явились демократические начала его творчества. Он был одним из первых писателей, кто раскрыл читательскую направленность художественных произведений, заговорил об адресованности их широким народным массам, включив эти компоненты в определение искусства. Эстетические устремления Толстого достойно прошли проверку временем. Произведения писателя и сейчас, по прошествии более ста лет со дня их появления, читаемы и любимы. А это требует своего дальнейшего объяснения и изучения, так как является мощным фактором формирования духовного мира современного человека.

Центральное место в творчестве Толстого, несомненно, занимает великая эпопея «Война и мир». Она грандиозна не только по замыслу и воплощению, но и по своему влиянию на читателей, которых насчитывается уже не одно поколение. «Война и мир» после своего появления в течение нескольких десятилетий вызывала живой читательский отклик. Интерес этот не ослабел и позднее. Большое влияние оказала эпопея и на читателей XX в.

Актуальность темы предлагаемой работы обусловлена поэтому необходимостью комментировать феномен востребованности романа в течение почти полутора веков его существования. Это необходимо еще и потому, что данное исследование лежит в русле социологического изучения литературы, которое в недавнем прошлом называли историко-функциональным методом и который до конца методологически еще не оформлен. К проблеме художественного восприятия обращаются ученые различных отраслей знаний. Взаимодействие художественного произведения и читателя изучается эстетикой, литературоведением, социологией, психологией и другими науками. В этом «виновата» специфика творчества писателя, которое, чтобы состояться, должно мыслиться как «потенциал восприятия» (М. Науман). В настоящее время означенная проблема естественным образом выдвигается на передний план. Это закономерно, потому что читатель, как замечалось неоднократно, всегда был и остается «главным стимулом», а также «конечной целью литературной деятельности» (В.В. Прозоров).

Научная новизна представляемой работы заключается в том, что в ней впервые делается попытка создать достаточно полную и последовательную «читательскую» историю «Войны и мира», открытую для дальнейшего изучения во времени. Прежде всего, здесь нужно говорить о структуризации и объеме имеющегося материала. Отдельные читательские высказывания о «Войне и мире» определенным образом объединялись и изучались лишь для решения сравнительно локальных задач, для подтверждения тех или иных исследовательских тезисов о своеобразии писательской манеры Толстого. Далеко не до конца осмысленной и оформленной представляется картина, иллюстрирующая отношения великого писателя со своим «воображаемым читате-

лем». Соотношение же этого «воображаемого читателя» с реальным читателем до сих пор остается научно не освоенной проблемой. Упорядочивание и анализ читательских реакций на роман-эпопею (в том числе и предполагаемых самим Л.Н. Толстым) от начала реализации замысла произведения до сегодняшнего дня – вот тот предмет, который по-прежнему имеет свойство научной новизны.

Следует добавить, что «читательская история» «Войны и мира» вполне закономерно открыта для дальнейшего изучения и описания. Создание этой истории и является обобщающей и главенствующей целью данного исследования. Однако для ее достижения необходимо решить три следующие крупные задачи. *Первая* – это выявление и определение круга «воображаемого читателя» Толстого на момент начала работы писателя над романом-эпопеей. *Второй задачей* является изучение эволюции толстовских представлений о «воображаемом читателе» в связи с реальной читательской реакцией на произведение. Наконец, *третью задачу* можно определить следующим образом: отслеживание путей и периодов функционирования «Войны и мира» во времени как отражение истории восприятия ее читателями.

Методологической базой исследования послужили труды Б.С. Мейлаха, В.В. Прозорова, Г.Н. Ищука, Н.М. Фортунатова, а также книги и отдельные сборники, подготовленные по данной проблематике сотрудниками кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета. Учтены были и иные подходы к данной проблеме (А.И. Белецкий, Л.С. Выготский, Г.Г. Шпет, М.М. Бахтин, Г.О. Винокур, А.П. Скафтымов, М.Б. Храпченко). Современные литературоведческие исследования, наряду с общими вопросами историко-функционального изучения, прослеживают судьбу крупных произведений русской литературы, вскрывают их читательские резервы. Изучение художественного восприятия делает возможным построение истории читателя, доведенной до наших дней.

Работа выполнена в рамках научного направления кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета «Литература в системе культуры» и ее подпрограммы «Социальная природа литературы». Замысел и концепция ее формировались под руководством Г.Н. Ищука.

Апробация работы в виде научных докладов состоялась на научных конференциях «Проблемы художественного восприятия: Научные чтения, посвященные памяти Г.Н. Ищука» (Калинин, 1986), «XIV Ищукские чтения» (Тверь, 2002). По теме диссертации опубликовано четыре статьи.

Работа состоит из трех глав, Введения и Заключения.

Во Введении сформулированы цели и задачи работы, определены ее научная новизна и актуальность, описаны ее теоретические предпосылки и методологическая база.

В первой главе «*Читатель в процессе работы Толстого над «Войной и миром»*» дан анализ толстовской концепции читателя в период его работы над двумя произведениями: повестью «*Детство*» и романом «*Война и мир*». Кроме этого предложено изучение эпопеи с точки зрения ее возможного восприятия, рассмотрена ее «*читательская структура*» (М.В. Строганов), для чего использованы черновые варианты начала произведения, а также первая завершенная редакция «*Войны и мира*».

Работая над произведением, автор поневоле становится его первочитателем. Только прочитав написанное, писатель может дать ему оценку и, если она его удовлетворяет, продолжать работу. Эта студия самопрочтения (Г.Н. Ищук) и является одной из главных причин всевозможных исправлений, вариантов, набросков и т.д. Это сердцевина писательского труда, его движущая сила. Не менее важны в этом смысле и замечания автора о самом творческом процессе, вызванные к жизни самоанализом хода и результатов этого процесса, а также раздумья писателя о «*своем читателе*».

Первый параграф «*На подступах к великой книге*» посвящен этим раздумьям и их реализации. Известные высказывания молодого Толстого о «*воображаемом читателе*», сопровождавшие его первое произведение, давно широко цитируются. Более того, они подвергались уже предварительному осмыслению¹. Но еще не сопоставлены между собою различные понятия и определения из этого цикла и, главное, они не соотнесены еще с конкретными творческими усилиями писателя в его работе над «*главным*» произведением — «*Войной и миром*». Обе эти задачи требуют разрешения.

«*Слабость обращаться к читателю*» осознавалась Толстым как задача серьезная и чрезвычайно важная. Неизбежная сопричастность читателя к процессу творчества ощущалась писателем достаточно остро. Создание таких типов читателя, как «*идеальный*», «*избранный*», «*понимающий*» и тот, который ищет «*в книге только занимательности*» (а появились они именно в такой последовательности) позволяет говорить о постепенном расширении круга «*воображаемого читателя*» Толстого и свидетельствует о поисках художником своей модели читателя, о желании «*составить себе ясное, определенное понятие о уме, качествах и направлении предполагаемого читателя*» (1, 207)². Все это связано с расширением писательского кругозора Толстого.

Роман «*Война и мир*» создавался в исторически знаменательные «*шестидесятые годы*», в период широкой демократизации русской литературы. Сама эпоха должна была вызвать у писателя новые «*читательские ощущение*».

¹ См. в первую очередь: *Ищук Г.Н.* Проблема читателя в творческом сознании Л.Н. Толстого. Калинин, 1975.

² Здесь и далее цитаты из произведений Л.Н. Толстого даны по изд.: *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. М., 1928–1958.

ния». «Эпопея Толстого возводила на новый уровень литературно-эстетическое сознание современников и обладала в этом смысле колоссальной энергией общения, “потенциалами восприятия” исключительной силы и действенности»³. Период работы над «великой книгой» многое дал Толстому в расширении его «читательских представлений». Роман «Война и мир» оказался вновь окруженным целым потоком размышлений о читателе.

В Отрывке из черновой редакции эпилога «Войны и мира» (1869), мы находим не встречаемое ранее деление Толстым «предполагаемого» читателя на два типа: «художественный» и «исторический». Читатели «художественные» – это «те, суд которых дороже мне всех. Они между строками, не рассуждая, прочтут все то, что я писал в рассуждениях и чего бы и не писал, если бы все читатели были такие» (15, 240–241). Этот род читателей – «самый дорогой» для автора. Он дорожил их суждениями больше всего. Главное качество этого читателя – понимание. Оно оформлялось еще в читателе «понимающем», который теперь, обогатившись новыми оттенками, наполнившись новым смыслом, трансформировался в читателя «художественного». Появление же «исторического читателя» правомерно возвести к основному замыслу статьи «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”». В ней Толстой ориентируется на несколько групп читателей, которым могут быть непонятны художественные и философские глубины романа, некоторые проблемы, затронутые в нем. Таких групп читателей шесть, по числу проблем. Автор, видимо, сам ощутил, что после появления статьи читателей, не понявших жанра «Войны и мира», употребления французского языка, имен действующих лиц, стало намного меньше; а читателей, которые не поняли характера эпохи, разногласий с историками в изображении исторических событий, роли великих людей в исторических событиях, осталось достаточно много. И Толстой объединяет их в одну группу «исторических читателей». Не принимать их во внимание нельзя: количество их внушительно, хотя они и меньшинство. Эпилог «Войны и мира» особенно нацелен на них, и здесь мы улавливаем уже знакомую нам тенденцию писателя к расширению круга «своего» читателя, стремление сделать произведение более понятным, помочь осознать его до конца. Великая книга, грандиозная по своему философскому звучанию, по широте и охвату общечеловеческих проблем, «заставила» Толстого выделить еще один тип читателя. Назовем его условно «вневременным». Он воспринимается как человек будущего.

Своеобразие «предполагаемого читателя» Толстого состоит в том что, в процессе его работы над конкретным произведением, этот образ трансформируется и осознается писателем как «объективный тип», с которым соотносит-

³ Ицук Г.Н. Лев Толстой. Диалог с читателем. М., 1984. С. 56.

ся все его творчество в целом. Так было и с «понимающим читателем», вышедшим за рамки «избранного», и с «вневременным», вышедшим за рамки «художественного». Толстой обогащает свою модель «воображаемого читателя» и все больше убеждается в том, что его книга, выросшая из конкретно-литературной и «читательской» обстановки «шестидесятых годов», содержит в себе колоссальные вечные гуманистические потенциалы, адресованные человечеству в целом.

Замысел «Войны и мира», опиравшийся на осознание автором задач, выдвинутых эпохой, отразил в себе и требования читателя, принадлежащего этой эпохе. «Воображаемый читатель» Толстого, значительно выросший количественно и изменившийся, поднялся в творческом сознании писателя до уровня тех проблем, которые ставила уникальная по форме и содержанию «книга». Одним из этапов этого процесса явилась работа Толстого над началом «Войны и мира». Во время создания произведения, жанр которого требовал новых творческих поисков, ожидания «воображаемого читателя» уточняются художником, осознаются более глубоко. Определенным образом изменяется и отношение самого Толстого к «предполагаемому читателю», основанное на творческом самочувствии автора и на законах построения создаваемого произведения. Так, Толстой не дифференцирует «воображаемого читателя» по социальному признаку. Это приводит его к творческому осознанию такого типа читателя, как «вневременной», читатель будущего. «Война и мир» пишется и для него, Толстой искренне надеется, что его будет читать когда-нибудь широкий народный читатель.

Второй параграф *«О созидании читательского потенциала "Войны и мира"»* посвящен пониманию Толстым сущности искусства, механизма писательского труда, которое он стремился «проверить» практикой создания художественного произведения.

Основной принцип создания художественного произведения Толстой выразил в 1897 г. в трактате «Что такое искусство?»: «Вызвать в себе раз испытанное чувство, и вызвав его в себе, посредством движений, линий, красок звуков, образов, выраженных словами, передать это чувство так, чтобы другие испытали то же чувство» (30, 65). Деятельность искусства, его движущая сила – это передача чувства. Но нужно «перелить» его в читателя, не обронив ни одной капли, не утратив то самое «чуть-чуть», которое заставляет это чувство животрепетать.

Настоящее искусство, передавая чувство, должно заразить им читателя: «Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их» (30, 65). Однако передача чувства и заражение им должны осуществиться

при определенном условии. Это условие Толстой называет иллюзией: «Художественное, поэтическое произведение, в особенности драма, прежде всего должно вызывать в читателе или зрителе иллюзию того, что переживаемое, испытываемое действующими лицами переживается, испытывается им самим. А для этого столь же важно драматургу знать, что именно заставить делать и говорить свои действующие лица, сколько и то, чего не заставить их говорить и делать, чтобы не нарушать иллюзию читателя или зрителя. Речи, как бы они ни были красноречивы и глубокомысленны, вложенные в уста действующих лиц, если только они излишни и несвойственны положению и характерам, разрушают главное условие драматического произведения – иллюзию, вследствие которой читатель или зритель живет чувствами действующих лиц. Можно, не нарушая иллюзии, не досказать многого – читатель или зритель сам доскажет, и иногда вследствие этого в нем еще усилится иллюзия, но сказать лишнее все равно, что, толкнув, рассыпать составленную из кусков статую или вынуть лампу из волшебного фонаря, – внимание читателя или зрителя отвлекается, читатель видит автора, зритель – актера, иллюзия исчезает, и вновь восстановить иллюзию иногда бывает уже невозможно. И потому без чувства меры не может быть художника» (35, 252). Эта же мысль выражена и в другом высказывании Толстого: «Первое и необходимое условие всякого художественного произведения есть чувство меры, чувство художественного такта. И что за досада бывает: только отрешись на секунду от окружающей тебя обстановки и перенесешься в мир иллюзий, как вдруг какая-нибудь глупая, фальшивая нота – и все очарование исчезло. И ничем уже не вернешь его» (цит. по: *Лакшин В. Интервью с Львом Толстым // Литературная газета. 1984. № 26. С. 7*).

Показательно, что эти положения Толстого нашли XX в. свое продолжение и развитие. В.Ф. Асмус считал, что произведение для читателя должно быть «пусть особой, но все же реальностью», однако «читатель должен сознавать, что показанный автором <...> кусок жизни не есть все же непосредственная жизнь, а только ее образ»⁴. Представляется, что заслуга Толстого в разработке вопроса об условности искусства еще не оценена должным образом в современной эстетике и литературоведении.

Итак, главным условием передачи чувства и заражения им по Толстому является иллюзия, или, как иначе ее называет Толстой, «чувство меры», «чувство художественного такта». Однако художественное произведение, при условии наличия в нем иллюзии, передавая чувство, заражая им, должно быть обязательно целостным как особая художественно-творческая данность. Используемый Толстым образ для обозначения целостности – это «лабиринт

⁴ Асмус В. Чтение как труд и творчество // Вопросы литературы. 1861. № 2. С. 37.

сцеплений». Все в произведении должно основываться на нравственном отношении автора к предмету изображения: «Цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого производит иллюзию отражения жизни, есть не единство лиц и положений, а единство самобытного нравственного отношения автора к предмету» (30, 18–19).

Таким образом, процесс создания художественного произведения, по Толстому, должен проходить с передачей испытанного автором чувства читателю, заражением читателя этим чувством на «основе единства самобытного нравственного отношения автора к предмету» изображения при условии сохранения эстетической «иллюзии». Задачи, которые Толстой как художник решает в рассматриваемый период в своем творчестве, сводятся, фактически, к тому, чтобы создать и не нарушить иллюзию читательского восприятия, которая должна быть поддержана «единством самобытного нравственного отношения автора к предмету».

Вторая глава *«Восприятие «Войны и мира» читателями-современниками Л.Н. Толстого»* посвящена истории восприятия произведения, начиная с появления первых читательских откликов на нее до смерти писателя. Этот временной отрезок условно разделен на десятилетия: 1870-е, 1880-е гг. и т.д. Он заканчивается смертью Толстого, когда роман-эпопея утрачивает «физическую» связь со своим создателем. Как представляется, этот, казалось бы, только «внешний» фактор имеет огромное внутреннее, содержательное значение, поскольку писатель живой и писатель уже умерший имеют разный вес и значение в глазах читателя-современника.

Первый параграф *«Восприятие “Войны и мира” в 1870-е годы»* своим названием определяет задачу внешне довольно скромную. Однако это не самоцель. Перспективное рассмотрение возможно большего отрезка времени под данным углом зрения составляет главную цель данной главы, и 1870-е гг. являются одним из моментов этой перспективы. Специфика же данного периода обуславливается тем, что именно с 1870 г. (в некоторых случаях чуть раньше, с 1869-го) стали появляться первые отзывы о «Войне и мире» как о законченном, цельном произведении. С этим связана и определенная специфика самого материала исследования в данном разделе, так как здесь им являются в основном выступления периодической печати.

Читательское восприятие «Войны и мира» 1870-х гг. очень разноголосно и достаточно противоречиво. И это понятно, ведь за каждым суждением стоит человек со своими социально-политическими убеждениями, так или иначе репрезентирующий определенное направление общественной мысли. Поэтому целесообразно отказаться от подсчитывания того плохого или хорошего, что сказано о «Войне и мире» и Толстом как ее авторе. Дело в том, что из этих разрозненных оценок, при сложении их, можно с равным успехом соста-

вить идеальную картину как приятия произведения, так, наоборот, совершенного его неприятия. Гораздо важнее было направить исследовательское внимание на темы, вызвавшие наибольший (позитивный или негативный) интерес и породившие, таким образом, своеобразную дискуссию. К числу этих тем относятся следующие: 1) философские рассуждения автора и социально-политическая подкладка его мировоззрения; 2) историческая достоверность изображенных событий; 3) оценка Толстого как военного теоретика; 4) морально-этические вопросы. С другой стороны, композиция, язык романа, его отдельные персонажи, своеобразие таланта автора, конечно, волновали читателей, занимали в их суждениях гораздо меньшее место.

Однако сделанным обобщением не исчерпывается круг вопросов, связанных с восприятием «Войны и мира» в указанный период. Существовали суждения, не вызвавшие дискуссий, а иногда читатели приходили к единодушному мнению. В положительном смысле оценивался Толстой как баталист, бытописатель, прекрасными признавались отдельные сцены романа (которых в совокупности было очень много). Все были согласны с тем, что три первые тома произведения лучше трех последних: «Великое начало – малый конец», – писал один анонимный автор. Выражалось сожаление, что Толстой скомкал, «свернул» роман, не дав ему достойного продолжения. Интересно решался вопрос о жанровой своеобразии «Войны и мира». Мы встречаемся с такими определениями: роман, исторический роман (Н.С. Лесков, А.М. Сабичевский), хроника, семейная хроника и эпопея (Н.Н. Страхов, Н.С. Лесков, Е. Лескин), поэма (Ф.М. Достоевского). Ближе других к истине (правда, уже в 1875 г.) оказался И.С. Тургенев, писавший, что «Война и мир» это «произведение оригинальное и многостороннее, заключающее в себе вместе эпопею, исторический роман и очерк нравов»⁵. Указание на синкретизм жанра вполне отвечало авторской установке («книга»).

«Воображаемый читатель» Толстого периода написания и публикации «Войны и мира» под воздействием реального восприятия значительно эволюционировал. В связи с этим представляется вполне вероятным вывод о том, что Толстой недостаточно объективно представлял себе реальную читательскую ситуацию, которая складывалась при этом явно не в пользу «Войны и мира»: оценить новаторство и значение произведения Толстого оказалось не по плечу большинству читателей. В плане построения общей картины восприятия «Войны и мира» в 1870-е гг. необходимо отметить постоянную напряженность читательского внимания к этому произведению. Первые годы после выхода в свет «Войны и мира» отдельным изданием анализировались

⁵ Подробнее о восприятии «Войны и мира» И.С. Тургеневым см.: *Кедрова М.М.* И.С. Тургенев. Роль читательской памяти в творчестве писателя. Калинин, 1988. С. 50–60.

уже довольно подробно. Важным этапом в читательском восприятии произведения является 1873 г., когда была опубликована новая редакция романа-эпопеи с вынесением в отдельное приложение философско-исторических отступлений, с отказом от франкоязычных текстов и т.д. Некоторые вопросы, особенно актуальные для Толстого в плане общения с читателем (как реальным, так и «воображаемым»), к этому времени снимаются; другие вопросы утрачивают свою остроту. Однако непонимание читателем его философских взглядов продолжает волновать писателя. И редакция 1873 г. может рассматриваться как шаг навстречу читателю (не только «художественному», но и «историческому»), как последняя попытка заключения с ним «конвенции» (термин В.Б. Шкловского).

Новый всплеск читательского внимания, новые отзывы, посвященные «великой книге», появляются в связи с выходом в свет других произведений Толстого: его азбуки, педагогических сочинений, «Анны Карениной». Есть все основания предполагать, что ориентация на читательское восприятие, которое «настроено» не на философскую концепцию Толстого, определенным образом руководило писателем при создании «Анны Карениной». В новом романе трудно заметить те моменты, которые в свое время вызывали бурные нападки на автора «Войны и мира»: внешне это «более традиционное» художественное произведение, где главная мысль – «семейная». После начала публикация «Анны Карениной» отзывы о «Войне и мире» приобретают в основном сопоставительный характер. При общей высокой оценке значимости обоих произведений пальма первенства, как правило, отдается «Войне и миру». А многие герои «Анны Карениной» воспринимаются как воспроизведение уже знакомых читателю персонажей. Таким образом, в результате сравнения «Войны и мира» с «Анной Карениной», по прошествии некоторого времени с момента выхода романа-эпопеи, отношение к произведению постепенно меняется.

Говоря о функционировании «Войны и мира», необходимо упомянуть и о том значении, которое придавали произведению современники. Публицист Е. Лескин писал: «По глубине взгляда, по обширности задачи и по художественному исполнению произведение графа Толстого представляет замечательнейшее явление современной русской литературы». Н.Н. Страхов утверждал, что произведения, подобного «Войне и миру», нет ни в русской, ни в западных литературах. Его слова звучали пророчески: «"Война и мир" скоро станет настольною книгою каждого образованного русского, классическим чтением наших детей, предметом размышления и поучения для юношей».

В конце этого периода интерес к Толстому возникает и за границей. Известно, что английский литератор и переводчик У. Ролстон в 1878 г. просил Толстого прислать ему биографические сведения для статьи о «Войне и ми-

ре» (62, 448–449). В 1878 г. роман был переведен на французский язык И.Л. Паскевич. Но необходимо было еще много времени для глубокого осознания «великой книги».

Второй параграф «*Восприятие «Войны и мира» в 1880-е годы*» продолжает анализ читательской реакции на произведение. Критические высказывания все еще встречаются, однако общий тон выступлений становится все более сдержанным и явно ориентируется на уже устоявшийся авторитет Толстого-писателя, хотя отрицание за автором романа-эпопеи достоинства оригинального мыслителя остается. Вместе с тем через 10–15 лет после выхода «Войны и мира» большинство критиков пишет о ней и ее авторе во все более уважительном тоне. При сравнении с «Анной Карениной» пальма первенства отдается «Войне и миру», что признавал и сам Толстой (Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 315). Читатели и критики начинают наконец признавать в Толстом и философа-мыслителя. Причем, в «Войне и мире» многие пытаются разглядеть Толстого восьмидесятых годов, вероучителя, то есть рассматривают произведение с совершенно новой точки зрения. Критика 1880-х гг. обращает внимание и на писательскую технику: на психологизм Толстого, особенности его творческой манеры, «диалектику души». Таким образом, с течением времени «Война и мир» все более вырастает в глазах читателя и критики и становится уже в 1880-е гг. первым и высшим произведением Толстого и одним из вершинных в русской литературе. Растет в связи с этим и представление о значении личности и деятельности самого Толстого.

В 1880-е гг. с романом знакомятся читатели не только в России, но и за рубежом, это время чрезвычайно резкого расширения круга читателей романа-эпопеи. О «Войне и мире» заговорили в странах Европы и Азии. И хотя мнения высказывались разные и не всегда комплиментарные, но всем им было свойственно желание отметить значение романа-эпопеи⁶.

Так же постепенно и не без большой внутренней работы менялись «читательские ощущения» Толстого. «Воображаемый» читатель периода создания «Войны и мира» после появления произведения и «проверки» его практикой эволюционирует. Толстой оскорблен журнальными отзывами, тем, что его «ужасно бранили» и не поняли читатели. Доверие к «воображаемому читателю», ощущение достаточно широкого круга читателя «художественного» постепенно утрачиваются. Однако желание «договориться», «объясниться» со своим читателем привело к редакции «Войны и мира» 1873 г.

⁶ О восприятии «Войны и мира» за рубежом см.: Мотылева Т. «Война и мир» за рубежом. Переводы. Критика. Влияние. М., 1978.

Диалог с читателем продолжается. И отдельными репликами Толстого в этом диалоге следует считать отказ от написания других исторических произведений: из эпохи Петра I и романа о декабристах, так как без историко-философской «подкладки» обойтись в них было нельзя, а обращение к ней неизбежно вызвало бы новую волну осуждения и непонимания. «Анна Каренина» же (по сравнению с «Войной и миром») – суженное по жанру, историческому пространству, стилевому выражению и объему произведение. Это и позволяет интерпретировать данный роман как шаг навстречу реальному «читательскому гулу» начала 1870-х гг.

Однако и после создания «Анны Карениной» в ответ на непонимание критики Толстому приходится писать специальное объяснение. (Интересно в этом контексте может прозвучать эпиграф к роману). Кроме того, «Войну и мир» однозначно ставят выше «Анны Карениной». А в конце 1870-х – начале 1880-х гг. все больше начинают признавать Толстого-мыслителя. Именно это время, как представляется, является переломным для автора «Войны и мира» в его диалоге со своим читателем. Всплеск интереса к роману-эпопее в связи с его французским переводом создает уникальную ситуацию: одновременно появляются первые отклики французских читателей и повторные – читателей русских. «Слабости» «Войны и мира», отмечаемые французами, в русской критике оцениваются часто уже иначе. Восприятие романа развивается, идет по спирали.

В этот период окончательно крепнет уверенность Толстого в том, что читателю «потрафлять» не стоит – время все расставит по местам. «Исторический», а затем в более широком смысле «непонимающий» читатель постепенно теряет для Толстого свое первоначальное значение. «Художественный» же персонифицируется в ряде конкретных лиц, близких для Толстого, понимающих его идеи и произведения (это, как правило, известные и авторитетные люди). Эта ситуация закрепляется к концу 1880-х гг. и подтверждается размышлениями самого Толстого. С таким багажом читательских ощущений Толстой перешагивает рубеж 1890-х гг.

Третий параграф «*Восприятие “Войны и мира” в 1890–1900-е годы*» продолжает «читательскую» историю романа-эпопеи. В это время читательская аудитория романа значительно расширила свои границы. Происходило это, прежде всего, за счет международного читателя, получившего возможность пользоваться достаточно профессиональными переводами. Например, в 1892 г. появилось первое собрание сочинений Толстого на немецком языке. Одновременно растет круг читателя романа и в России, расширяясь, в частности, в социальном плане. Это, несомненно, было следствием, во-первых, повышения общего образовательного уровня населения, а во-вторых, того места, которое занял к этому времени в русской литературе и общественной жизни

ни сам Толстой. Соприкасаясь с «великой книгой», каждый находит для себя что-то ценное.

Т.Л. Мотылева писала, что во второй половине 1890-х гг. «Война и мир» находилась в руках у всех русских девушек. То есть можно предположить, что роман-эпопея становится «модной» книгой, прочитывается не только как необходимая часть литературного образования молодых людей, но и как увлекательный любовный роман. К ней обращаются и в трудные минуты жизни. Находили «удовольствие» в общении с «Войной и миром» даже крестьяне. Широкий диапазон читательского восприятия «Войны и мира» в 1890-е гг. вбирал в себя, тем не менее, и примеры достаточно пристального внимания к отдельным сторонам писательской манеры Толстого. Это, например, тот самый психологизм, которому учился С. Жеромский и который потом закрепился в понятии «диалектика души» (термин Н.Г. Чернышевского в это время еще не был столь тиражирован, как теперь). Роль критики, создававшей «читательский гул» вокруг «Войны и мира» на протяжении двадцати лет, не утрачивает своего значения и в 1890-е гг. При этом появляются исследования, посвященные не только роману-эпопее, но и истории ее «освоения». Особое место в этом плане занимает работа Ф.И. Булгакова «Граф Толстой. Критика его произведений русская и иностранная». Это серьезное исследование в двух частях появляется в 1899 г. и становится как бы итоговым, подводящим черту под осмыслением творчества Толстого на рубеже веков.

1890-е гг. можно считать заключительным этапом окончательного читательского признания «Войны и мира». Став достоянием русской литературы, роман-эпопея в переводах завоевывает читателей не только отдельных, но большинства стран европейского континента. Рубеж веков становится вехой, когда «главное» произведение Толстого уже не только воспринимается в контексте мировой литературы, но и занимает в ней особое место, более того, не имеет себе соперника.

Читательские отзывы о «Войне и мире» до 1910 г. интересны прежде всего тем, что они являются последними в ряду тех, которые могли рассчитывать на непосредственную реакцию самого Толстого. Волей-неволей (пусть неосознанно) их авторы не могли не учитывать его присутствие как действующего писателя и общественного деятеля. Не наступило еще время, когда о «Льве русской литературы» требовалось бы говорить «или хорошо или ничего». Кроме того, последние годы жизни Толстого – это и заключительный этап в ощущении им своего читательского окружения, в том числе и «воображаемого».

К началу XX в. «Война и мир» достигла уже той высоты, с которой никогда в дальнейшем не опускалась. Характерной чертой для многих критиков «Войны и мира» этого времени является то, что мерилom оценки Толстого-

писателя становится не столько собственные впечатления от произведения, сколько желание глубже вникнуть в процессы, происходившие в его творческой лаборатории. Размышления о «Войне и мире» дополняются с учетом комментариев самого Толстого. Хотя по-прежнему появлялись высказывания, отражающие, как это было особенно заметно в 1870-е гг., групповые интересы, разные общественно-политические взгляды, однако именно такой, по-настоящему профессиональный подход к изучению «Войны и мира» представляется наиболее плодотворным, однако. Начало XX в. породило, пожалуй, наиболее оригинальные, иногда парадоксальные высказывания и оценки «Войны и мира». Только по-настоящему гениальное произведение может заставить вновь и вновь обращать на себя внимание подряд несколько десятков лет, обнаруживая каждый раз новые аспекты восприятия. «Войну и мир» постоянно перечитывают и в начале XX в., чему существует немало свидетельств. Это время появления сборников литературно-критических статей о творчестве Толстого.

Вспоминая «воображаемого» и реального читателя периода написания и первых годов прочтения «Войны и мира», мы видим, что он ко времени «зрелого» Толстого коренным образом изменился. «Воображаемому» читателю 1850–1870-х гг. Толстой доверял, держался с ним «на равных», считал, что таковых может быть немало, и по мере возможности стремился расширить круг «художественных» читателей. В своем желании заключить своеобразную «конвенцию» с читателем, Толстой был готов ему «потрафлять», идти навстречу его пожеланиям, требованиям. Он пытался объясниться, чутко реагировал на «читательский гул», переживал и «допускал» читателя в свою «творческую лабораторию». На склоне жизни Толстой совсем другой. То, что у «Войны и мира» теперь в основном «понимающий» читатель, его уже не устраивает. Он предполагает совсем другое – понимание своих теперешних идей. А если оно не проявляется, то читатель оценивается как «глупый». И Толстого не смущает, что таких читателей на свете большинство. Это вполне объяснимо: когда-то он уже был в такой ситуации именно с «Войной и миром». «Понимающих» читателей, несмотря на ожидания писателя, оказалось совсем немного. Но время все расставило по местам. Почему бы ситуации снова не повториться? В 1860–1870-е гг. Толстой шел с читателем в своем творчестве рука об руку. В начале же XX в. он находится «над читателем», не допускает его в свою творческую лабораторию, закрыт для него и даже до некоторой степени опасается вмешательства в свои замыслы. Внутренняя работа, пока она не закончена, не должна подвергаться оценке извне, иначе возможна определенная корректировка, что может привести к проигрышу «в содержании и силе». Таким представляется итог отношений Толстого со своим читателем.

Глава третья «Из истории восприятия романа «Война и мир» в Советской России» продолжает «читательскую историю» историю произведения до наших дней и открывается параграфом первым «Критика и литературоведение 1920-х годов».

В конце своего творческого и жизненного пути Л.Н. Толстой стал «генералом от литературы». Но на еще более высокую ступень в литературной иерархии, учитывая исторические события в России, его поставили известные высказывания В.И. Ленина и особенно смысл и название одной из статей, ставшие для писателя «парадной вывеской», прилипшее, как ярлык, – «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Как правило, через призму ленинской интерпретации творчество Толстого и воспринималось накануне и особенно после «Великого Октября». «Выводы» лидера русской революции после 1917 г. стали точкой отсчета, от которой в дальнейшем «отталкивалось» большинство исследователей. Но вульгарно-социологический взгляд на творчество писателя В.И. Ленин оттенил высокой оценкой его как художника. Поэтому спектр изучения наследия Толстого и после революции оставался достаточно широким. Что касается восприятия произведений писателя, то в советское время «всплесками» внимания к ним становятся юбилейные даты,

Изучение «Войны и мира» как неотъемлемой части творчества Толстого становится в последующие годы достаточно предсказуемым, до некоторой степени запрограммированным. В большой мере свою роль здесь сыграло то, что наследие В.И. Ленина было взято за теоретическую и методологическую основу изучения творчества Толстого. Ленинские статьи 1908–1911 гг., ничем не выделявшиеся на общем фоне и при первых своих публикациях не имевшие решающего значения для оценки творчества Толстого⁷, начинают играть со временем основополагающую роль в организации восприятия произведений писателя. Поэтому, оставаясь «глыбой, матерым человечеством», «великим художником», Толстой становится и «зеркалом крестьянской революции в России», и «отражением противоречий эпохи», и выразителем реакционной идеи непротивления злу насилем. Причем, углубление процесса изучения творчества Толстого не только идет по пути, намеченному В.И. Лениным, но тщательно изучаются и сами статьи «вождя революции», посвященные писателю. Классическим образцом в этом отношении являются работы М.Б. Храпченко, в частности статья «Неиссякаемый источник» (1988). Интерес здесь вызывает определение основных направлений дальнейших исследова-

⁷ О вторичности статей Ленина о Толстом см.: Горная В.З. Книга Дж. Г. Пэрриса «Толстой великий мужик» и ленинские статьи о Толстом в смене эпох // О литературе, писателях и читателях. Тверь, 1994.

ний жизни и творчества Толстого, что, конечно, напрямую связано и с изучением «Войны и мира».

Второй параграф «*Направленное чтение "Войны и мира" в русской школе XX века*» посвящен восприятию произведения, отраженному в школьных программах. До того момента, пока роман не стал произведением программным, изучаемым на уроках литературы в школе, восприятие его оставалось, что называется, непосредственным. Наличие же школьных программ, учебников, методических пособий, деятельность учителя определяют тем или иным образом опосредованное восприятие «Войны и мира», оно принимает форму «изучения» произведения.

Рассматривая данную ситуацию, мы неизбежно сталкиваемся с двумя ранее не встречавшимися феноменами. Происходит своеобразная адаптация восприятия «Войны и мира»: авторы школьных учебников, на основе ленинской «методологии», привлекая имеющийся исследовательский материал, создают (с учетом возрастных особенностей школьников) некую программу изучения произведения: внешне, вроде бы, свою собственную, а по сути — скорее безликую, чем оригинальную трактовку «Войны и мира». Да и к тому же эта программа имела целевую установку: чтобы «детям было понятно». Это один аспект восприятия произведения в советское время. На другом полюсе педагогических усилий находятся школьники, т.е. те читатели, которые в силу объективных причин могут быть не готовы к прочтению «Войны и мира». Если раньше роман-эпопею брали в руки в соответствии с внутренней потребностью, то теперь школьники начали читать в связи с другими, внешними обстоятельствами. Поэтому где-то на протяжении шестидесяти-семидесяти последних лет образовалась огромная группа читателей «Войны и мира» Толстого. Это были и есть старшеклассники. Восприятие ими романа было запрограммировано, они смотрели на произведение сквозь призму школьной программы. Конечно, ситуация диалога с Толстым «один на один» оставалась, но она корректировалась посредником в лице учителя, учебника и т.д. Однако именно эта ситуация помогает достаточно четко представить себе, каким образом воспринималась «Война и мир» огромным количеством его читателей (школьников, учителей, авторов учебных пособий) на протяжении очень большого периода времени. Пожалуй, лишь в последние годы заметны качественные изменения в школьной программе изучения «Войны и мира». По сравнению с программой пятидесятилетней давности в действующей наблюдается тенденция уйти от ленинской оценки творчества Толстого, да и вообще от каких-либо других «авторитетных» оценок. На первое место выносятся «вечные» вопросы. Оценочный комментарий используется только при характеристике «верхушки светского общества» и в отношении вещей очевидных, общепринятых: и война, и «наполеонизм» — это, конечно, плохо.

Третий параграф *«Школьные сочинения как материал для изучения современного восприятия "Войны и мира"»* содержит анализ отзывов на произведение современных школьников. Этот аспект читательской реакции на *«Войну и мир»* представляется достаточно важным. Ведь количество школьников, читающих произведение, огромно. Это та читательская аудитория, которой не было в конце XIX и начале XX в. Изучение отзывов о романе-эпопее наших юных современников дает возможность проверить толстовские прогнозы относительно дальнейшей судьбы своих знаменитых произведений. Анализ школьных сочинений нынешних десятиклассников позволяет сделать вывод: ожидания Толстого оправдались, и уже не в XIX-м, а в XXI-м веке *«Войну и мир»* читают и по ней *«любят жизнь»*.

Примечательно, что восприятие *«Войны и мира»* первыми ее читателями перекликается во многом с сегодняшней оценкой произведения совсем молодыми людьми. Мы замечаем ту же растерянность перед объемом и грандиозностью романа-эпопеи, сложностью композиции, необычностью стиля; сетования на необъективность в изображении исторических событий и личностей и перегруженность философскими отступлениями. Но в то же время юным читателям понятны герои Толстого, они чувствуют его художественное мастерство, верят ему, видят в нем учителя. Установка Толстого на *«вневременного»* читателя срабатывает: читатель в большинстве своем стал *«художественным»*, – таким, к какому обращался Толстой, создавая *«Война и мир»*. *«Война и мир»* жива и современна, ее жизнь продолжается и еще поможет многим поколениям читателей ответить на самые важные для них вопросы.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, определены этапы читательской истории *«Войны и мира»*. *«Войну и мир»* необходимо рассматривать как произведение во многом недосказанное и в чем-то недополучившееся, что отвечает мнению самого создателя. Увидеть же, чем она не удовлетворяла автора, означает понять его замысел.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

1. *«Воображаемый читатель»* Л. Толстого и его роль в созидании вводной сцены *«Войны и мира»* // Читатель в творческом сознании русских писателей. Калинин, 1986. С. 39–54.

2. Восприятие *«Войны и мира»* Л.Н. Толстого. 1870-е годы // Историко-литературный сборник. Выпуск 2: К 70-летию профессора Ю.М. Никишова. Тверь, 2002. С. 73–86.

3. *«Воображаемый читатель»* в творческой истории *«Войны и мира»* // *«Война и мир»* Л.Н. Толстого. Жизнь книги. Тверь, 2002. С. 7–42.

4. Восприятие *«Войны и мира»* Л.Н. Толстого. 1880-е годы // Историко-литературный сборник. Выпуск 3: К 70-летию профессора М.М. Кедровой. Тверь, 2002 (в печати).